

УДК 902.01

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО АБДУЛАТИПА ШАМХАЛОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

П. И. Тахнаева

Институт востоковедения РАН

Статья посвящена анализу следственного дела первого дагестанского профессионального лингвиста, филолога Абдулатипа Шамхалова, подвергнутого репрессиям в 1933 г. и трагически погибшего в одном из лагерей ГУЛАГа.

The article analyses the investigative case of the first Daghestan professional linguist and philologist Abdulatip Shamkhalov, subjected to repressions in 1933 and tragically killed in one of the GULAG's camps.

Ключевые слова: Дагестан; 1930-е годы; репрессии; интеллигенция.

Keywords: Daghestan; 1930-s; reprisals; intelligency.

Урон, понесенный отечественной наукой в результате незаконных репрессий послеоктябрьского периода, огромен. Потери дагестанской научной интеллигенции занимают в этом трагическом мартирологе большое место. В их числе – первый дагестанский профессиональный лингвист, филолог Абдулатип Шамхалов, человек необычайной судьбы и большого таланта.

Архивно-следственные дела, используемые для написания научных трудов, долгое время оставались официально не признанными в качестве исторических источников. Только в 2004 г. в коллективной монографии по источниковедению новейшей истории России судебно-следственная и тюремно-лагерная документация была названа важнейшим видом исторических источников, а следственные дела репрессированных предложено вывести из сферы эмоционально-публицистической и поместить в иное смысловое поле [1].

Следственные дела на обвиненных по политическим мотивам в 1930-е гг. (статья 58-10 УК РСФСР) многотомны. При критическом источниковедческом анализе документы следственного дела (постановление и ордер на арест, анкета арестованного, протоколы допросов, материалы очных ставок, показания обвиняемых, доносы и «откровения» свидетелей, текст заключительного обвинения, приговор и справка о приведении его в исполнение) представляют уникальный историко-биографический материал. Здесь можно найти не только достоверные биографические данные обвиняемого, но и свидетельства о его отношении к следствию и предъявляемым обвинениям. Не меньший интерес представляют также имеющиеся в судебно-следственном деле справки и характеристики на арестованного с места работы.

Нами был тщательно проанализирован непростой источник – следственное дело № 3734 Абдулатипа Шамхалова – результат вынужденного соавторства подследственного и следователя [2].

Дело, по которому «проходил» А. Шамхалов, состоит из двух томов. Открывается дело орденом № 101 от 4 января 1933 г. на обыск и арест. В тот же день на квартире ученого (г. Махачкала, ул. Комсомольская, д.18) был произведен обыск. Абдулатип Шамхалов был заключен в тюрьму 4 января, этим числом помечена «Анкета арестованного». Анкета уточняет его биографические данные: «Шамхалов Абдул Латиф, 1900 г.р., аварец, образование высшее, окончил Институт востоковедения [3], женат, беспартийный, лингвист». В одной из форм протоколов допросов в графе «образовательный ценз» он укажет «высшее образование плюс аспирантура НИИ народов Востока» и в графе «род занятий» пояснит: «...я изучал особенности чохского наречия аварского языка для аспирантской работы по специальности ... в 1929 г. закончил аспирантуру и был

выпущен доцентом, а в июне 1929 г. вернулся в Дагестан и до ареста работал в Научно-исследовательском институте национальных культур на должности научного сотрудника» [4]. Справка об имущественном положении, выданная Аргванским сельсоветом, сообщала, что до 1929 г. его социальное положение определялось как кулацкое, избирательных прав лишен не был. Большую часть дела занимают многостраничные протоколы допросов и протоколы так называемых «дополнительных показаний». Приведены выдержки из протоколов допросов других подсудимых, в которых шла речь об А. Шамхалове, а также несколько характеристик с места работы.

Важно отметить, что дело А. Шамхалова отличается от других многостраничными собственноручными дополнительными показаниями автора. Как видно из одного из протоколов допроса (от 22 февраля 1933 г.), они носят добровольный характер: «Вопрос: Что вы можете показать по вопросу языкового строительства в Дагестане? Ответ: Разрешите мне на этот вопрос обстоятельно ответить собственноручным показанием. Ибо на этот вопрос я могу ответить весьма пристрастно и подробно» [5]. В деле таких протоколов «дополнительных показаний» зафиксировано 8, первый из них датирован 23 января 1933 г., последний – 6 августа того же года.

К неизбежному вопросу о достоверности дополнительных показаний подсудимого заметим, что Абдулатип Шамхалов был арестован в начале 1933 г. В ДагОГПУ (как и по всей стране) начнут применять то, что позднее будут именовать «незаконными методами ведения следствия» с 1935 г. (после убийства Кирова). Особенно ужесточатся методы ведения следствия с осени 1937 г.: 14 сентября 1937 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил исключительный порядок расследования террористических преступлений, введенный 1 декабря 1934 г., на дела о вредителях и диверсантах. Тогда же по предложению генерального прокурора А.Я. Вышинского был отменен прокурорский надзор за законностью в органах НКВД по делам о государственных преступлениях и, таким образом, фактически были узаконены пытки (методы физического воздействия). С 1935 г. практически все протоколы станут стандартными и похожими друг на друга: в них с самого начала обвиняемые признаются в «контрреволюционной деятельности», в участии в «пантюркистских и националистических организациях», в «повстанческих движениях» и в разработке «планов вооруженного восстания» [6]. Многостраничные дополнительные показания А. Шамхалова в корне отличаются от них и скорее носят характер взвешенных биографических воспоминаний.

А. Шамхалов, молодой и перспективный ученый, получивший прекрасное мусульманское и светское среднее образование в Дагестане (в Аргвани, Ботлихе, Темир-Хан-Шуре) и высшее профессиональное в Институте народов Востока РАНИОН (Москва), являлся членом известной в Дагестане своим авторитетом и ученостью фамилии Шамхаловых из Аргвани. В 1910–1930-е гг. он являлся участником и свидетелем многих ярких и значимых историко-культурных событий Дагестана. В силу этих обстоятельств многостраничные добровольные и собственноручные показания А. Шамхалова представляют значимость ценного исторического источника как для написания научно-биографического очерка об ученом, так и для реконструкции первых лет становления профессиональной науки Дагестана, для освещения ряда проблемных тем и вопросов истории Дагестана, таких как Гражданская война и установление советской власти в Северо-Западном Дагестане, советизация этого края, отдельных вопросов светского и духовного образования и др.

Несомненно, следственные дела репрессированных 1930-х годов нельзя рассматривать изолированно, без учета всего общественно-исторического контекста. Чтобы попытаться объяснить причину ареста успешного и перспективного ученого А. Шамхалова, необходимо сделать небольшое отступление.

В общественно-политической жизни Дагестана в 1917–1920-е гг. принимало активное участие мусульманское духовенство, что показали Гражданская война и первое десятилетие советского строительства. Оно оставалось влиятельной общественной силой и в начале 1930-х гг., и поэтому усилия советского государства были направлены на подрыв его влияния на верующих, а потом и на

полное вытеснение из общественной жизни. Большевики полагали, что своим авторитетом и агитацией духовенство мешало советскому строительству в Дагестане. В 1929–1930-х гг. начинается широкомасштабное и жесткое наступление на духовенство. Как ответная реакция, попытки дагестанской мусульманской интеллигенции организованно противостоять государственным антирелигиозным репрессиям стали носить политический характер.

Согласно советской официальной истории, в 1929 г. в результате обострения классовой борьбы «в горных аулах активизировались остатки недобитых банд Гоцинского, кулацко-мулльские элементы враждебно встретили коллективизацию, объединяя свои усилия в борьбе с Советской властью. Чекистами вскрыт ряд контрреволюционных организаций, в том числе и в округах Аварском и Андийском, ставивших своей целью вооруженное свержение существующей власти» [7]. Во главе громкого так называемого «аваро-андийского дела» стоял Иса Гаирбеков (муж сестры А. Шамхалова), один из ярких представителей дагестанской мусульманской интеллигенции (он был убит при аресте в июле 1929 г.).

А. Шамхалов, арестованный в 1933 г., по сути, был «назначен» одной из центральных фигур выдуманной контрреволюционной организации: усиление «обострения классовой борьбы» и «роста местного национализма» требовало развернуть широкую работу по повышению бдительности в отношении националистов. Известная фигура А. Шамхалова и его близкие родственные связи с И. Гаирбековым оказались подходящими для того, чтобы именно вокруг него сформировать «контрреволюционную пансиламско-националистическую» организацию. Хотя еще в 1929 г. по делу Исы Гаирбекова один из обвиняемых – А.О., в своих показаниях утверждал, что «...действовал он по поручению главы организации, которым является не Абдулатип Шамхалов, а Иса Гаирбеков», «... откровенно рассказал о том, что всей работой руководил Иса Гаирбеков, а не Абдулатип Шамхалов» [8]. Тем не менее, «дело» Шамхалова появилось.

Спустя ровно год после ареста А. Шамхалова, в декабре 1933 г. в отчетном докладе Особого Даготдела ОГПУ будет отмечено: «...в Нагорном Дагестане была вскрыта пан-исламско, вредительская к-р (т.е. контрреволюционная – П.Т.) повстанческая группировка (здесь и далее выделено нами – П.Т.), актив которой изъят (руководящий актив данной группировки идет за счет гоциновского актива: Магомед Джафаров, Максуд Дебилов, авторитетов ученых-арабистов Абдулатипа Шамхалова и Айдемирова), имеющая свои ответвления в Ботлихском, Гумбетовском, Хунзахском и Гунибском районах и ставящая своей целью реставрацию националистического буржуазного строя в Дагестане, посредством создания массовой организации и вооруженного свержения Советской власти» [9] (стиль и орфография сохранены – П.Т.).

В соответствии с традициями ОГПУ следователи, не утруждая себя поисками правдоподобия, всячески пытаются включить в протоколы «контрреволюционную деятельность» ученого в контексте его реальных связей, знакомств, контактов, научных и экспедиционных изысканий. А. Шамхалов не мог предположить, что все его научные командировки в горы с целью сбора устного народного творчества (подробно им перечисленные и расписанные) будут рассматриваться как «вербовка учителей и народных сказителей», а известный тюркологический съезд, проходивший в 1926 г. в г. Баку [10], в работе которого он принимал участие (и был тем горд), на языке следователей превратится в «конспиративное совещание отдельных ученых, где они договорились о блоке с представителями контрреволюционных и националистических формирований разных республик» [11, л. 74]. Любой факт биографии ученого ставился ему в вину: его семья, братья, образование, коллеги, профессия, научно-просветительская деятельность.

Из протоколов допросов проступает характер ученого, на первый взгляд, где-то политически инфантильный: «...все аресты, происходившие в Дагестане меня мало интересовали, а следовательно, не знаю их причин. Я считаю, что правительство просто защищается от лиц, кои могут привести вред советской власти», «...ни в какой контрреволюционной организации я никогда не состоял и не состою, и никого из лиц, когда либо состоявших и состоящих я не знал и не знаю. Я научный работник и далек от участия в какой бы то ни было работе к-р порядка», «...я считаю себя трудовым интеллигентом советской формации в полном смысле этого слова» [11, л. 15]. Но при внимательном знакомстве с делом

становится очевидным, что арестованный на протяжении всего следствия не сдает нравственных позиций, не позволяя себе оступиться неосторожным словом в своих отзывах о друзьях, коллегах, знакомых: ни о тех, кто на остался свободе, ни о тех, кто уже был заключен (М. Джафаров, А. Каяев, Н. Яковлев, И. Гаирбеков, Ю. Гасанов, М.-К. Дебиров, А. Акаев и др.).

Обвинение Шамхалова было основано на показаниях свидетелей, допрошенных после ареста Шамхалова. Однако ни один из свидетелей прямо не обличил его в том, что он являлся руководителем антисоветской группировки или имел связь с осужденными по данному делу. В качестве доказательства вины Шамхалова к делу приобщена копия протокола допроса обвиняемого М.А., достоверность показаний которого вызывает сомнения.

В частности, обвиняемый М.А. показал, что в 1928 г. его знакомый Пара Юсуп Гасанов (погибший в 1929 г. во время побега), рассказывал ему, что «в Дагестане существует подпольная организация, руководимая в Москве Абдулатипом Шамхаловым, профессором Джурулла и полковником Джафаровым, цель этой организации – вооруженное восстание против Советской власти» [11, л. 233]. Другое показание обвиняемого М.А. не отличалось по достоверности от предыдущего: «...Пара Юсуп Гасанов сказал, что Абдулатип Шамхалов познакомился с заграничным агентом при следующих обстоятельствах. Абдулатип проходил по одной улице на окраине Москвы и тихо про себя на арабском языке пел песни. Мимо Абдулатипа проходил неизвестный человек, который хорошо знает арабский язык. Заинтересовавшись Абдулатипом, неизвестный познакомился с ним, расспросил Абдулатипа, откуда он и кто он. Абдулатип рассказал ему, что он ученый-арабист из Дагестана. Неизвестный, убедившись, что Абдулатип ненавидит советскую власть, сказал Абдулатипу, что он является заграничным агентом, цель его работы связаться с учеными людьми и вместе с ними производить среди мусульманского народа организованную работу по подготовке вооруженного восстания для свержения соввласти. ... С того времени наша организация через Абдулатипа стала поддерживать связь с границей». Касаясь личного знакомства с руководителями этой «группы», обвиняемый М.А. заявил: «Я лично ни с Шамхаловым, ни с Максудом не встречался и разговора об организации не вел» [12, л. 234].

Очевидно, что показания обвиняемого М.А. не могли служить доказательством вины Шамхалова, поскольку об этом ему было известно со слов другого лица, к тому же погибшего и, следовательно, их достоверность не могла быть проверена.

По данному делу, кроме пяти осужденных лиц, было привлечено еще 22 человека, которые впоследствии были освобождены из-под стражи с прекращением на них дела, однако никто из них не изобличил А. Шамхалова в антисоветской деятельности. Доказательств, подтверждающих виновность Шамхалова, следствию добыть не удалось.

Известно, что для политических обвинений часто использовался вульгаризаторский «анализ» исследований ученых, произведений писателей, учебников. Уникальная работа Абдулатипа Шамхалова – сборник по аварскому песенному фольклору «Аварские песни (старинные народные и новые революционные)», изданный в 1929 г. тиражом 2 тыс. экз. – «соответствовала» поставленным ОГПУ задачам и была использована против ее автора. Достаточно было получить несколько соответствующих отзывов.

Приведем выдержку из отзыва директора Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур И. Алиева: «...я должен сказать, что эта книжка безусловно идеологически вредная. Я не аварец и языка аварского не знаю; но при показе этой книжки рядовому своему сотруднику аварцу, красному партизану..., последний указал мне на ряд песен из этой книжки, тиражировать коих, пускать в массы – значит укреплять в массах дагестанцев идеологию арабистов, идеологию имамства, шейхизма и всей прочей восточной контрреволюции. ...Книга написана арабо-коранским алфавитом, и мы являемся сейчас свидетелями того, что во всю разворачивается работа по внедрению в массы нового алфавита (1929 г.), выпускается книжка, написанная арабо-коранским алфавитом и выдерживается стиль изданий дагестанских клерикалов (А. Каяев, Абусупьян и т.д.)» [12, л. 238–259 (об)].

Позволим себе привести также отзыв-обвинение одного из сотрудников Института национальной культуры: «...в литературе извратил идеологию тем, что дал именно такой сборник, какой мы имеем. ...Шамхалов, собрав в сборник песни характеризующие старину и предков с лучшей стороны, с бравирующей их стороны, проявил узко националистические взгляды», «...сборник выпущен массовым изданием (2000 экз.). Для научных целей такое количество не нужно. Можно было бы выпустить несколько сот и распространить по научным органам, а не пустить в массы, как это сделано в данном случае. Если была необходимость популяризации аварской литературы, так можно было издать сколько угодно революционную», «...тот факт, что национально-освободительное движение горцев в конечном итоге сводилось к панисламистским целям и едва ли кто будет отрицать. ...я хочу сказать, что песни Шамилевской эпохи хотя и воспевают национальную свободу, борцов за нее, но всюду эти песни пронизаны духом ислама, борьбы за веру и газават. ...Шамхалов ...дал повод читателю делать ставку на прошлое, на дедовские времена, на выкорчевывание остатков, пережитков которых нам сейчас стоит таких больших трудов» [12, л. 274–283].

Благодаря именно этим рецензиям-показаниям А. Шамхалову, которому «сценаристы» из ОГПУ отвели роль главы никогда не существовавшей антисоветской контрреволюционной организации, был инкриминирован «национализм» и «панисламизм», что в советской терминологии имело резко отрицательное значение, равнозначное тягчайшему преступлению против власти и общества.

Замечание директора института о том, что книга Абдулатипа Шамхалова написана «...арабо-коранским алфавитом» и, тем самым, «выдерживает стиль изданий дагестанских клерикалов», вызывает, по меньшей мере, удивление даже с позиций того времени, памятуя о том, что А. Шамхалов был одним из сторонников и активистов латинизации алфавитов дагестанских языков. Как известно, в 1928 г. было принято решение пленума Дагобкома партии о переходе от арабской графики к латинице. В том же году Президиум ЦИКа и СНК ДАССР приняли постановление «О реализации прав родных языков», согласно которому вся культурно-просветительная и пропагандистско-массовая работа в клубах, избах-читальнях, кружках и т.д. должна была вестись на родном языке. На родном же языке предполагалось проводить ликвидацию неграмотности среди населения. Именно Абдулатип Шамхалов, как член комитета НДА (Нового Дагестанского алфавита, 1928 г.), вместе с московскими профессорами (Н.Ф. Яковлевым, Н.А. Баскаковым, Л.И. Жирковым, А.С. Башкировым) и дагестанскими коллегами (Г. Гаджибековым, О. Омаровым, Б. Чобан-заде) являлся соавтором проекта латинизированных дагестанских алфавитов. Не случайно А. Шамхалов в своих дополнительных показаниях писал: «...За дело латинизации вел активную борьбу как в теории, так и на практике. Вся моя деятельность была направлена по мере сил и возможностей на удовлетворение требований эпохи социалистического строительства в области языкового строительства и культурной революции» [12, л. 15]. В конце 1929 г. очередная сессия ЦИКа Дагестана приняла постановление «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинизированный алфавит», в связи с чем этот алфавит объявлялся единственным государственным алфавитом для дагестанских языков, в том числе и для аварского, с 1 октября 1930 г. [13]. Но книга А. Шамхалова к тому времени уже была опубликована.

Абдулатип Шамхалов был осужден 13 ноября 1933 г. Тройкой при ПП ОГПУ СКК и ДАССР по ст. 58-2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Он обвинялся в том, что:

«1) руководил пан-исламской к-р повстанческой группировкой в Нагорном Дагестане, которая проводила вербовку, подготавливала и ставила своей конечной целью массовое вооруженное восстание и свержение существующего строя в Дагестане; 2) находясь на службе в Дагестанском научно-исследовательском институте, используя служебное положение и недостаточную политподготовку руководства института, собрал, отредактировал и распространил 2000 экземпляров сборника аварских песен, отражающих узко-националистические и пан-исламистские толкования. Так же на собраниях своими выступлениями протаскивал узко-националистические и арабские установки» [14, л. 498].

Хотя еще во время ведения следствия А. Шамхалов утверждал, что «...все ошибки, допущенные в книге, нельзя рассматривать как явное контрреволюционное проявление с моей стороны, они допущены объективно в силу того обстоятельства, что а) я не являюсь специалистом в области литературы, б) нет каких бы то ни было научных работ по изучению аварской литературы, в) ...сборник был мною представлен на рассмотрение комиссии по нацлитературе при Наркомпросе, предоставив им право изъять все, что будет вредным для современного общества...» [14, л. 77]. При объявлении об окончании следствия по его делу он заявил о том, что все свои прежние показания подтверждает, но признает себя «... виновным только в одном, что допустил в собранном и выпущенном сборнике аварских песен ряд песен узко-националистического порядка. В остальном предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю» [14, л. 502].

А. Шамхалов отбывал срок в одном из отделений Сиблага ОГПУ. О дальнейшей его участи следственное дело информацией не располагает.

16 марта 1962 г. постановлением Президиума Верховного суда Дагестанской АССР постановление Тройки при ПП ОГПУ СКК и ДАССР от 13 ноября 1933 г. в отношении Шамхалова Абдулатипа было отменено и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 148–198; Журавлев С.В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история: ежегодник. 2004. М., 2005. С. 371.
2. Архив УФСБ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т. 1–2.
3. Институт народов советского Востока РАНИОН (Российская академия научно-исследовательских институтов общественных наук, 1924–1930 гг.; позднее Институт национальностей, затем Институт языка и письменности). А. Шамхалов в своих показаниях называет его то «Институтом востоковедения», то «Институтом народов Советского Востока» (Архив УФСБ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т.1. Л. 33, 45, 74).
4. Архив УФСБ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т. 1. Л. 2, 10.
5. Там же. Л. 35.
6. Земсков В. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. М., 1994. № 2. С. 121.
7. Рукоп. фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Документы и материалы по классовой борьбе в Дагестане 1920–1926 гг. (1959 г.). По следственным материалам Даг. отдела ОГПУ (1929–1930 гг.).
8. Архив УФСБ РФ по РД. Д. № 2/8254. Т. 1. Л. 217.
9. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. р-800. Оп. 2. Д. 49. Л. 62. Отчетный доклад Даготдела ОГПУ о деятельности мусульманского духовенства, шейхизма и мюридизма и учет опыта этой работы за время 1932–1933 гг. (21.12.1933).
10. В феврале 1926 г. в Баку состоялось открытие первого Всесоюзного тюркологического съезда, на который собрались представители большинства тюркских народов СССР: татары, казахи, узбеки, чувашаи, турки Северного Кавказа, Сибири, Якутии; для участия в работе съезда прибыли ученые из АН СССР, Научной Ассоциации востоковедения, Украинской Академии, Закавказской Ассоциации востоковедения, Турции, Германии, Австрии, Венгрии, Персии; всего на съезде присутствовал 131 делегат; основным обсуждаемым вопросом был возможный переход советских тюрков на новый латинизированный алфавит.
11. Архив УФСБ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т. 1. Л. 15, 74, 233.
12. Архив УФСБ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т. 1. Л. 15, 234, 238–259 (об), 274–283.
13. Социалистическое строительство Дагестана. Махачкала, 1930. С. 87.
14. Архив УФСБ РФ по РД. Фонд архивных уголовных дел 2/9020. Д. 3734. Т. 1. Л. 77, 498, 502.

Поступила в редакцию 15.12.2010 г.
Принята к печати 23.12.2011 г.